
И. А. ДЬЯКОВ
ПОЕЗДКА К ЧУАНЬ-МЯО

(Воспоминания русского востоковеда) *

В путешествие к чуань-мяо я отправился в начале июня 1925 г. из города Суйфу, расположенного в верхнем течении реки Янцзы, в провинции Сычуань. На четвертый день пути я и мой проводник китаец Лю пришли в городок Санло. Из встреч в пути вспоминаются носильщики каменного угля, железной руды и соли. Эти люди сотни километров несут свой груз, получая за это гроши. Отдыхают стоя, останавливаясь по условному знаку (свисту) старшины, идущего впереди.

В Санло мы прибыли поздно вечером, а на другой день утром покинули этот городок. Сначала поднялись на высокий хребет, затем спустились в ущелье и наконец около двух часов дня вошли в городок Лопяо, откуда я должен был отправиться дальше, в горы Ванвучжа, где в глубоких долинах и ущельях, среди утесов и пропастей живут чуань-мяо, у которых мне предстояло поселиться.

На сей раз я отправился в путь один. Мой проводник Лю не рискнул сопровождать меня: тогда не было еще той дружбы, которая существует между мяо и китайцами теперь. Свободолюбивые мяо не признавали власти воинствующих «генералов» и всячески старались показать свою ненависть к ним.

Вскоре я стал подниматься на чрезвычайно крутой хребет. Казалось, узкая каменистая тропинка вела меня к небу.

* *От редакции.* Автор настоящих воспоминаний Иван Андреевич Дьяков прожил в Китае больше сорока лет (с 1914 по 1955 г.). За эти годы он совершил ряд поездок по юго-западным провинциям Китая, в том числе в Сычуань, где прожил несколько недель среди одной из групп народности мяо — чуань-мяо.

Мяо — одна из крупных народностей южного Китая; по данным переписи 1953 г. она насчитывает свыше 2,5 млн. чел. Наиболее компактной группой мяо живут в провинциях Гуйчжоу и Хунань, где сейчас созданы их национальные автономные районы. В годы господства реакционных правителей императорского Китая и гоминьдановцев мяо всячески притесняли, сгоняли их с плодородных земель в горы, запрещали им носить национальную одежду, говорить на родном языке. В ответ на эти притеснения трудящиеся мяо не раз восставали и с оружием в руках отстаивали свою независимость. За многие века национального гнета мяо отстали в экономическом и культурном развитии. Феодалные отношения у них тесно переплетались с пережитками первобытно-общинных отношений. Отсталость мяо усугублялась тем, что в результате политики правителей старого Китая эта народность оказалась раздробленной на отдельные группы, получившие с течением времени различные наименования. Одной из таких групп являются чуань-мяо, пришедшие в провинцию Сычуань из Гуйчжоу 300—400 лет тому назад; в настоящее время численность их составляет около 60 тыс. человек. Сохраняя некоторые черты, присущие народности мяо в целом, чуань-мяо в то же время имеют свои культурные особенности, отличающие их от других мяо. Это необходимо учитывать, чтобы не переносить их специфику на всех мяо вообще.

И. А. Дьяков был первым русским, которому удалось побывать в местах расселения мяо. Его заметки путешественника, хотя и не претендующие на научное изложение материала, передают подлинные картины жизни чуань-мяо, которую он наблюдал лично. Этим объясняется интерес настоящей публикации.

Перевал, спуск, подъем, и около одиннадцати часов дня я поднялся на вершину второго хребта.

Открылся величественный горный пейзаж. Особенно поразила меня гигантская, отвесно поднимающаяся над пропастью гранитная колонна, местами украшенная кустами акаций.

Тропинка ведет налево. Поднимаюсь выше — навстречу идет человек лет 50, высокий, худой, без бороды, крепко сложенный, в длинной, до колен, белой рубашке, подпоясанной ремнем. Голова обмотана, наподобие чалмы, большим черным полотнищем.

Я остановился. Человек подходит ко мне и, прикладывая к губам большие пальцы сложенных рук, кланяясь, на сычуаньском наречии говорит мне:

— Ты наш гость... Пойдем со мной.

Я поблагодарил незнакомца и последовал было за ним, но он, протягивая руки, попросил меня следовать впереди него. Я повиновался, и мы отправились дальше.

После полудня далеко впереди в горах, в тени бамбуковой рощи и кипарисов, показалось большое белое здание; налево такое же другое, а там еще и еще. Это — хутора мяо, точнее, одной из их групп — чуань-мяо.

Приходим в один из таких хуторов под названием Тхаля. Навстречу выходит старик лет семидесяти, как и первый, — без бороды, высокого роста, в длинной, подпоясанной ремнем, темной рубашке, с черной повязкой на голове; из-под повязки на макушке выглядывают седющие волосы. На смуглом лице и в карих глазах его написаны добродушие и ласка.

Вслед за ним выходит другой, помоложе, третий, еще и еще... Поклоны, но не унижающие человека, не приторно-угоднические, поклоны людей, не привыкших к низкопоклонству, что меня приятно удивило.

Эти люди пригласили меня в заранее подготовленную для меня комнату: оказалось, они знали, что идет к ним ого-жень (русский человек), которого они видят впервые.

Стали входить другие. Те же поклоны и добродушные улыбки.

Наконец приносят обед. За стол садится человек десять мужчин; женщин пока не видно.

Обед проходит молча. При этом новые блюда, подаваемые к столу, начинают есть лишь после того, как притрагивается к ним своей палочкой или ложкой глава семьи, а за ним я — их гость.

Вечер. На полу одной из комнат — в «гостиной» — горит костер (дым выходит через особое отверстие над входом). Вокруг костра на низеньких скамейках сидит человек пятнадцать мяо. Их тихий разговор, потрескивание костра и пение неведомой птицы в горах как-то особенно действуют на меня. Мне почему-то вдруг стало грустно. Вспомнил Россию — свою родину — скоро ли буду там?.. Вспомнил Шанхай с его сутолокой, борьбой миллионов людей за кусок хлеба, а здесь... Здесь тишина, покой.

Один из мяо поднялся с места и с той же добродушной улыбкой предложил мне испеченную на огне кукурузу, другой протянул печеную грушу, третий — сладкий картофель.

Слабый, мерцающий свет потухающего костра. Полуосвещенные красными колеблющимися бликами огня наклонившиеся к костру фигуры мяо. Двери открыты, и в них смотрит темная ночь. В сумраке ее виднеются величественные утесы на фоне возвышающихся над ними гор. Ближе — силуэты кипарисов и пальм.

Часов в десять вечера все вошли в мою комнату. С нескрываемым любопытством рассматривают мои вещи. Особенно поразили их карманный электрический фонарь и компас. Но когда мои гости заметили, что я собираюсь лечь, немедленно, один за другим, они стали выходить.

Утром следующего дня принесли в мою комнату большую деревянную

кадку с горячей водой для мытья рук, а затем пригласили в особую комнату на завтрак.

Вхожу в столовую. Семья Васей (имя хозяина) уже вся в сборе, кроме женщин, которых все еще не видно. За стол еще никто не сел: ожидали меня. Когда я вошел, Васей пригласил меня к столу, и только после этого все стали занимать свои места — сам Васей, его брат (который меня встречал), два сына, племянник и трое гостей.

После завтрака меня пригласили в гости в другой хутор, Тхане, в одном километре с небольшим от хутора Тхаля.

Идти пришлось все время впереди, это тоже обычай мяо: гость идет, входит, садится всегда первым.

В Тхане меня прежде всего пригласили в помещение, предназначенное для особо почетных гостей.

Входим. Большая комната. Без стекол решетчатые окна, заклеенные бумагой. Против входа — стол, украшенный замысловатой резьбой. У стен по сторонам громоздкие деревянные кресла. У передней стены — домашний алтарь без всяких изображений. Вместо них на особом возвышении стоят различной величины чашечки, наполненные рисом, горохом, чумизой, кукурузой, и вазочки с цветами.

В этой комнате посидели несколько минут, а затем перешли в другую, где ярко горел «домашний» костер (у мяо есть еще «наружные» костры), вокруг которого были расставлены низенькие украшенные резьбой скамейки.

В эту комнату вошли с некоторыми церемониями: хозяин хутора пригласил меня в нее лишь после того, как я ответил ему на его особые поклоны, установленные для подобного рода случаев еще с незапамятных времен. Уже потом мне удалось выяснить, что означают эти поклоны: гость должен ответить хозяину дома признательностью за гостеприимство.

У костра собралось человек десять мяо. Покурив общую семейную трубку, все стали оживленно беседовать между собой. В этой беседе, благодаря одному мяо, хорошо знавшему сычуаньское наречие, удалось принять участие и мне.

Говорили об историческом прошлом чуань-мяо.

Поселились они в горах Ванвучжа более трехсот лет тому назад. Раньше они занимали северную часть провинции Сычуань, куда пришли откуда-то с северо-востока (?) в то страшное время, когда там было уничтожено чуть ли не все население свирепым правителем по имени Чонг (?). Уцелевшие мяо бежали в северный Сычуань, где они засеяли поля, развели большие стада, но лет триста или более тому назад китайцы стали вытеснять их оттуда на юго-запад. Началась война, в которой вместе с мяо принимал участие и другой народ — мань. Победа была бы на стороне союзников, если бы не хитрость одного из китайских военачальников, заверившего их в своей симпатии к ним, а потом предавшего их. Много людей погибло тогда. Оставшимся в живых мяо завязали назад руки и погнали в горы Ванвучжа. «А сколько погибло людей в пути — об этом знают только один Дэвэ да духи предков!», заключил свой рассказ один из мяо, который, очевидно, выделялся красноречием среди остальных.

Много горя пришлось перенести мяо в этих горах, пока не засеяли поля, обработали огороды и построили дома. Теперь повсюду в этих горах — в узких, но глубоких долинах, на вершинах, по склонам гор и в ущельях можно видеть клочки рисовых и кукурузных полей.

Около хуторов зеленеют огороды, где разводят до десяти сортов капусты, бобы, репу, арбузы, огурцы, тыкву, дыню, крупный сладкий горох, подсолнечники, сладкий картофель и другие огородные овощи. Почти все огороды обсажены по краям пальмами, кипарисами, кустарниками роз, акациями, банановыми деревьями и другими субтропическими растениями. Хутора утопают в зелени акаций, буков, бамбуковых, апельсиновых, грушевых, тутовых и других деревьев.

Живут мяо в общем безбедно: у каждого рис, кукуруза, овощи, мед и фрукты, которых хватает на круглый год.

Сеют лен и коноплю. Полотна не покупают (денег у них нет) — ткут сами. Есть у них и шелк.

Орудия сельского хозяйства: деревянные однолемешные сохи, бороны, грабли, самодельные веялки, ручные мельницы и т. п.

Есть кузнецы, столяры, плотники, которые обменивают свои изделия на полотно, рис, сандалии, башмаки, кукурузу и пр.

У каждого хозяина имеются рабочие коровы, буйволы, козы и свиньи. Некоторые имеют и низкорослых лошадей.

После беседы принесли в «комнату костра» (нпэтэ) кадку с горячей водой. Все по очереди вымыли в ней руки (я — первый) и отправились в столовую обедать.

Первым блюдом была подана папа — лепешки из вареного кукурузного теста с сотовым медом; затем — туупа, тоже из кукурузной муки. Подается это кушанье в воде. Едят его с красным перцем. Третье блюдо — чане, приготовленное из мяса буйвола, с горошком и с какой-то сладковато-горьковатой травой; затем — джипу, блюдо, приготовленное из многих сортов неизвестных мне трав; куако — какая-то смесь из корней и трав; дзямбо — вареная клейкая масса, подается в виде пельменей с начинкой из мяса. Это кушанье едят с тростниковым (коричневым) сахаром. Мэ — лапша; дяода — кушанье типа клецок, приготовляемое из сладкого теста на бобовом масле и, наконец, тьявда — рисовая каша с кукурузой и с медом.

После обеда, окруженный толпой ребятишек, я поднялся на ближайшую гору, откуда открывается чудная картина окрестностей.

Со мной было человек десять мальчиков и одна девочка с ребенком на спине. Девочка бегала, играла, падала, а ребенок как ни в чем не бывало смеялся, визжал, размахивая руками, и всячески выражал свою радость.

Идем дальше — пропасть. По карнизу горы вьется узкая тропинка. Дети, как дикие козы, побежали по ней. Я в нерешительности остановился над бездной, но когда увидел, что и девочка с ребенком побежала вслед за ними, «храбро» зашагал вперед, стараясь не смотреть в пропасть.

После прогулки с детьми меня встретила целая толпа мяо, которые пришли из других хуторов смотреть на ого-жень.

Сидя вокруг костра, мяо спели мне свою песню, после которой я, попрощавшись с гостеприимными хозяевами, вместе с одним из мяо отправился в дом Васея.

Когда я уходил из хутора Тхане, старик-хозяин, в знак особого ко мне уважения, подарил мне семейную трубку из бамбука, два больших арбуза и целый мешок фруктов, который взял себе на плечи мой провожатый.

Вечер в хижине Васея. На полу ярко горит костер. Безмолвно у стен сидят на полу мяо — мужчины и дети. Женщин по-прежнему не видно, как будто бы их нет совсем. Вокруг домашнего костра, играя на национальном инструменте кэй, танцует сам хозяин хутора Васей. Его то медленно-спокойные, то стремительные, несмотря на его преклонный возраст, движения напоминали мне что-то знакомое, родное. В музыке и танце Васея отражалась душа мяо — простая, бесхитростная, спокойная, искренняя и свободная и в то же время (чувствовалось) воинственно-неумолимая, дикая даже; в его музыке и танце чувствовались то безысходная грусть и тоска, то бесшабашное веселье; то завывание ветра во время бури в горах, то тихий рокот лесного ручейка; то мрак ущелий, то озаренные солнцем вершины гор и утесов и таинственная сень подтропических лесов.

Прошло три недели. За это время я побывал в качестве гостя больше чем в десяти хуторах и всюду встречал удивительно дружелюбное отношение к себе.

Куда бы я ни пришел, прекращались на время работы: приходили смотреть на невиданного в этих местах гостя.

Эти посещения имели огромное значение для меня: они еще больше знакомили меня с мяо.

Особенно подружился я с детьми, которые наперебой приносили мне цветы, камни, бабочек, змей, угощали меня фруктами, печеной кукурузой, сладким картофелем и какой-то кисло-сладкой травой.

Ни одна экскурсия не обходилась без детей, и под этой «охраной» я чувствовал себя прекрасно.

В течение этого времени я записал и усвоил до пятисот слов и вообще все свое свободное время в дальнейшем посвящал изучению языка, быта, нравов и обычаев мяо.

Прошло два месяца.

В один прохладный, серый, дождливый день, когда мяо не работали в полях, в доме Васея собралось до тридцати человек мяо. Все чинно сидели вокруг костра и под аккомпанемент дождя и далеких водопадов в горах слушали мое первое выступление — «лекцию» о моей родине — России.

Я говорил им о красотах родной природы и о богатствах ее, о городах с многоэтажными домами, о том, что лоля цали (жители городов) летают на тль-ну (железная птица), ездят на тоочи тль (крытая железная телега), смотрят на лунные горы (тхля хв та), изучают глубины морей (це пывда тоа; дословно: уметь знать глубокое место — море); говорил им о достижениях медицины, что их особенно поразило, о технике — и о чем только не говорил я пораженным мяо. Объяснялся жестами, мимикой, употребляя китайские, мяоские, а по ошибке и русские слова, пользовался составленным мною словарем, но тем не менее успех моей первой «лекции» был полный.

После этой беседы старшина племени чуань-мяо, по имени Ца, пригласил меня к себе в гости и обещал для моей следующей беседы собрать как можно больше слушателей в своем доме.

В тот же день я получил приглашение от одного богатого мяо принять участие в торжестве, устраиваемом по случаю женитьбы его сына. Я с радостью принял это приглашение.

Такое же приглашение получила и семья Васея, который стал готовиться к свадьбе с этого же дня.

Прежде всего он сделал особые носилки для подарков, которые он, как один из почетных гостей, должен был преподнести молодым.

В день свадьбы его жена, невестка и дочь-вдова сделали много букетов из роз и украсили ими носилки. Вскоре явились музыканты со своими кэй, лапа (свирель), пули (род флейты), и мы часов в пять вечера отправившись в дом отца жениха. Впереди несли носилки, за ними, играя, один за другим шли музыканты, за ними — я, вслед за мной — хозяин, его старший сын и остальные члены семьи.

Вскоре в горах, в тени кипарисов и бамбука, показалось большое белое здание — хутор, откуда доносились шум, крики и звуки музыки.

Подошли к воротам — навстречу нам вышло несколько гостей с хозяином во главе. После взаимных приветствий и поклонов он особым движением руки пригласил нас войти во двор. Здесь мы были оглушены грохотом буквально сотен хлопучек, звуками кэй, лапа, пули и шумом толпы (гостей было не менее 200 человек), однако пьяных не было видно.

Направились к дому. В дверях нас встретила отвратительная маска, которая не пропускала нас в дом. Явилась другая — улыбающаяся, изображающая духа дома (домового?), и бросилась на первую маску — духа зла. Началась борьба-танец. Никогда ничего подобного я не видел. Этим танцем была изумительно верно передана борьба двух начал — добра и зла, света и тьмы, добродетели и порока.

Борьба кончилась поражением первой маски (духа зла), и мы вошли в комнату для почетных гостей.

Здесь находился стол, покрытый красным домотканым сукном. На нем лежали цветы, фрукты, украшения, наряды и т. д. За столом сидели почетные старики и молча, без всяких ответных поклонов, принимали подарки.

Гость, желающий что-либо подарить молодым, вместе с отцом жениха делал глубокие поклоны сидящим за столом старцам, затем кланялся гостям и лишь после этого клал свой подарок на стол.

Я, по обычаю мяо, также должен был подарить что-нибудь жениху, а поэтому, по примеру других, подошел вместе с хозяином к столу, отвесил четыре глубоких поклона принимающим подарки старикам, поклонился гостям и, положив на стол карманные часы, бусы, шелковый платок и кружевную косынку, отошел в сторону.

Подарки мои всполошили всех, даже безмолвных и неподвижных, как истуканы, стариков. Все старались увидеть, что положил ого-жень на почетный стол подарков. Хозяин приказал позвать сына-жениха и вместе с ним; к великому моему смущению, поклонился мне в ноги.

После церемонии приема подарков меня пригласили в отведенную для меня комнату, которая вскоре наполнилась гостями.

Явился певец и один из музыкантов. Эти виртуозы исполнили несколько очень интересных номеров, еще раз убедив меня в музыкальности и поэтичности мяо.

Кончились музыка и пение. Явился жених, мальчик лет одиннадцати, и, отвесив мне глубокий поклон, пригласил в комнату, где должна была начаться церемония поклонения предкам.

Комната, в которую мы вошли, оказалась переполненной гостями. Меня пригласили сесть рядом с женихом и объявили, что я избран его «жонли поньдью» (другом) и что с этого дня сделался своим (жите зане) в этом доме. Я растерялся и не знал, что делать. Выручил меня мяо, хорошо знающий китайский язык.

Между тем пол у передней стены, перед домашним алтарем, покрыли вышитым шелками ковром. Принесли небольшой столик с глиняными чашечками на нем. В одной чашечке рисовое вино, в другой сотовый мед. Столик поставили на ковер. Перед ним встал мальчик-жених, а рядом с ним должны были встать я — «жонли поньдью» — и отец, который держал в руках свадебный наряд своего сына.

Явились музыканты, и началась церемония одевания молодого. Прежде всего отец надел на сына синий, вышитый шелком халат, а я должен был надеть через левое плечо и завязать под правой рукой широкую красную ленту. На голову мальчика надели украшенную цветами шапку. Затем мы выпили из чашечек немного вина и меду и под звуки лапа и пули отвесили несколько поклонов в сторону домашнего алтаря (дэвэ). После этого в том же направлении сделали восемь поклонов отец и жених. Столько же со своим будущим зятем — отец невесты. Я должен был сделать четыре поклона, по столько же поклонов сделали все почетные гости и, наконец, по два поклона — остальные гости. Таким образом, бедному мальчику пришлось сделать по меньшей мере пятьсот поклонов.

Церемония окончилась далеко за полночь, и лишь под утро пригласили всех нас к предсвадебному столу.

Было подано до тридцати всевозможных блюд.

В комнату, где происходил предсвадебный пир, несколько раз заходил хозяин и приветливо, с особыми поклонами, приглашал гостей «осчастливить его своим вниманием» к поданным блюдам. Гости вставали, молча кланялись и продолжали с большим аппетитом есть молча, сосредоточенно.

В мою чашечку некоторые гости считали своим долгом что-нибудь

положить. Один клал кусочек свинины, другой — лапку курицы, третий — сладкую кашу, четвертый — прегорький красный перец... И все это я должен был съесть, чтобы не обидеть своих новых друзей.

За предсвадебным столом не было ни одной женщины, да и вообще их не было видно на празднике. Это было царство мужчин.

На следующий день рано утром меня разбудили невероятный шум хлопшек, барабанный бой и звуки множества кэй, лапа, пули и других музыкальных инструментов: встречали невесту.

Я быстро оделся и вышел во двор, заполненный народом. У ворот был поставлен покрытый белой скатерью стол, на котором лежала большая жареная и украшенная лентами свиная голова, большая чашка с рисом и три куриных яйца. К столу, у которого стояли почетные гости, пригласили и меня. Зажгли девять свечей и стали ждать невесту.

Вскоре вдали на тропе показалась вереница одетых по-праздничному женщин. За ними несли закрытые и украшенные лентами и цветами носилки, в которых сидела не видимая никем девочка-невеста.

Своеобразный женский свадебный поезд подошел к воротам. Все остановилось молча. Тишина. Почетные старики отвесили носилкам глубокие поклоны, и вновь прибывшие вошли во двор. Вдруг, словно с цепи сорвавшись, завыли, заголосили, запищали под грохот барабанов музыкальные инструменты — «духи» добра и зла начали свою отчаянную борьбу.

В дверях комнаты, в которой происходила церемония поклонения духам предков, невесту встретил отец жениха и прежде, чем пропустить ее в дом, зарезал черного петуха. После этого молодую внесли в комнату, двери которой немедленно закрылись.

Торжественный свадебный обед. Гостей обходил разодетый жених и приглашал их кушать свадебные яства и пить рисовое вино.

После обеда началась подготовка к вечернему торжеству. Прежде всего к концу длинного бамбукового шеста крест-накрест прикрепили не особенно длинную — метра в два — бамбуковую палку, на один конец которой привязали белое полотенце, а на другой — несколько соединенных между собой и обернутых красной материей колец. Все это посредством веревок подняли и отвесно поставили на стол. Весь двор обильно посыпали неочищенным рисом.

Стемнело. На дворе зажгли множество факелов, а в доме несколько разноцветных бумажных и шелковых фонарей.

Вдруг совершенно неожиданно молодой парень в зеленом халате (заклинатель злых духов) и под треск хлопшек и бой двух десятков барабанов начинает свои заклинания.

Вот он зажигает четыре свечи, ставит их на землю у углов небольшого стола. Затем над этим столом зажигает какие-то желтые тряпки и бросает их на землю. Музыка смолкает — тишина. После этого подходит к другому столу, берет небольшую глиняную чашку с водой, делает над ней какие-то движения рукой и этой водой тушит свечи. Вновь загрохотали барабаны и внезапно смолкли. Молодой закллинатель, обратясь лицом к жениху и протягивая руки к небу, громко произносит заклинания, смысла которых я так и не мог понять. Затем он четыре раза обходит стол и, останавливаясь после каждого шага, под аккомпанемент вновь загрохотавших барабанов продолжает свои заклинания.

После этого на смену является «дух» — покровитель семьи (веселая, улыбающаяся маска) и начинает свой священный танец. К нему присоединяется другой «дух», покровитель семейного счастья, и священный танец продолжают они вместе.

Но вот неожиданно является злой «дух». Начинается что-то невероятное. Я никогда не видел таких стремительных движений и ловкости. Например, дух семейного счастья, преследуемый «злым духом», преодолевая мысленные препятствия, лезет по бамбуковому шесту вверх и, стоя

на одной ноге на бамбуковой палке, размахивая красным платком и перьями, произносит заклинания. Слова заклинания под аккомпанемент музыки и барабанов произносит внизу и отец жениха.

После этого начались священные танцы, прыгание через стол сквозь бамбуковые кольца с ножами, вставленными внутрь их, и т. д.

Торжество кончилось. Всех пригласили на свадебный ужин, а поздно ночью — на поклонение духам предков, в котором участвовала вместе с женихом и невеста, девочка лет десяти.

После ужина в моей комнате собралось много людей. Пришел и старшина чуань-мяо — Ца.

Я воспользовался этим собранием и постарался выяснить ряд недоуменных вопросов.

Прежде всего, меня очень интересовал вопрос — почему чуань-мяо так рано женят своих детей, а в связи с этим я постарался выяснить и некоторые вопросы воспитания.

Из беседы выяснилось следующее: женщина у мяо пользуется большим уважением как мать, и степень этого уважения зависит от того, сколько у нее детей. Поэтому рождение ребенка, независимо от пола, всегда приносит матери счастье и укрепляет в ней сознание принадлежности к племени, в которое она входит как равноправный член.

В воспитании ребенка принимают участие все члены семьи. Особенно радуются все, когда ребенок начинает ходить. Когда он начинает говорить, его учат петь. С 4—5-летнего возраста ребенка заставляют работать — чистить кукурузу, полоть, выделяя для этого в поле небольшие участки, разводить и поддерживать костер, а затем постепенно, если это мальчик, приучают ухаживать за скотом, пахать, собирать овощи, фрукты и т. д.; девочку приучают готовить кушанье, шить, вязать, вышивать, стирать белье, работать на огороде.

Очень часто мяо участвуют в какой-либо работе совместно — при постройке мостов, проведении новых дорог (вернее — троп) и пр.

Жизни человека вне труда мяо не мыслят; всякий, кто бы он ни был, — должен работать, и всякое отнекивание от работы считается позором.

Детей мяо воспитывают таким образом, чтобы они сначала чувствовали себя в полной зависимости от старших: воспитывается сознание, что старшие опытнее и умнее их и что они сами потом могут быть «старшими», при условии полного повиновения им. Но постепенно, с развитием у детей соответствующих навыков и умения, в них поощряются инициатива и стремление быть похожими на старших.

Детей мяо почти не бьют.

Всякое желание ребенка брать пример со старших поощряется, но ни в коем случае не допускается участие его в разговорах старших. Но дети могут, а иногда даже обязаны, слушать, что говорят старшие, но при этом должны хранить полное молчание.

Детей мяо очень любят, и они платят им тем же.

Любовью к детям можно снискать к себе уважение. Женщины, например, почувствовали ко мне доверие лишь после того, как увидели, что я нянчусь с их ребятишками, начиная с грудных малюток, хожу с ними на экскурсии и что дети любят меня. Дети помогали мне в моих работах. Почти каждый из них знал названия всех деревьев в лесу, трав, кустарников, цветов, камней, не боялся брать в руки ящериц, змей, лягушек, червей и т. п.

С 7—8-летнего возраста мяо начинают воспитывать в своих детях сознание, что скоро они не будут «детьми», что скоро их женят. Дети постепенно свыкаются с этой мыслью. Поэтому девушек и парней — женихов и невест — у мяо нет. Есть маленькие дети — мальчики и девочки — и мужья и жены — старые и молодые.

С наступлением 10—11-летнего возраста мальчику сватают невесту,

такую же маленькую девочку, как он сам. Вскоре по обоюдному согласию родителей жениха и невесты назначается «свадьба».

После свадьбы дети — «муж» и «жена» живут в доме отца жениха, занимая каждый свою комнату или по крайней мере угол. С наступлением совершеннолетия позволяют им жить вместе.

О положительных или отрицательных сторонах такого отношения мяо к вопросам брака я не говорю, а лишь констатирую факты, но при этом должен отметить, что в жизни чуань-мяо я не наблюдал семейных драм, измены, ревности и «любви», от которой часто мы «сходим с ума».

Как-то уже впоследствии я задал одному из мяо вопрос:

— Уходит ли муж от жены или жена от мужа?

— Куда?

— К другому мужу или другой жене?

— Зачем?

— Жить.

— Мы слышали, — говорит мне мяо, — где-то есть дикая страна и в ней живут дикие люди¹, у них это можно, а у нас — нет.

— А у вас случается, что муж бьет свою жену или жена — своего мужа?

— Бить² можно бешеную корову или бешеного быка, — отвечает мне мяо, — жена не корова и муж не бык. Быка и корову можно бить, но как можно бить мужа или жену? Есть где-то далеко, далеко злые племена — у них это можно, но мы — хмоо (так себя называют мяо; «хмоо» означает — люди).

Впоследствии я имел несколько случаев убедиться в справедливости этих слов.

Женщины мяо очень застенчивы и кротки. Об их гостеприимстве трудно судить, так как они никогда не выходят к гостям (мужчинам). Любовь к мужу они понимают как долг, основанный на дружбе.

После свадьбы старшина Ца пригласил меня поселиться у него. Я согласился, и в тот же день мы отправились с ним на хутор Ванфа, где он жил.

На следующий день вечером Ца пригласил своих соседей и наиболее почетных людей в свой дом и устроил в мою честь обед. Во время этого пира я поделился своими впечатлениями о свадьбе и получил много ценных сведений о взаимоотношениях между членами мяоской семьи, об их единении, дружбе, взаимной помощи, что является основой благополучия народа мяо.

Прошло несколько дней... Ясное утро. Удалось сделать несколько ценных снимков. Долго пришлось уговаривать женщин согласиться встать и смотреть на «ящик-глаз» — пан авлема, как называли мой фотографический аппарат мяо. Наиболее храбрые женщины, наконец, согласились.

После обеда мы вместе с моим верным другом Тином отправились на высокую гору в нескольких километрах от хутора, где я жил. Мы вошли в пещеру, предварительно захватив с собой дрова, чтобы развести внутри костер.

Я шел впереди, освещая дорогу электрическим фонарем. Прошли шагов сто. Тин останавливает меня и говорит, что дальше идти нельзя: упадем в пропасть. Я настоял на том, чтобы дойти до нее и удостовериться, насколько велика ее глубина.

Прошли еще шагов тридцать и при свете огромного факела из сухих смолистых веток подошли к мрачной бездне шириной метров до десяти. За ней при красном колеблющемся свете факела виднеется темная уходящая наверх и теряющаяся во мраке каменная стена. Я осторожно

¹ Ковнци цитав.

² То цитав — буквально: начинать убивать.

подполз к пропасти и бросил вниз камень. Прислушиваюсь — где-то далеко-далеко внизу через некоторое время ответило мне звенящее эхо.

А что за дивный вид открывается с вершины горы! Трудно передать словами красоту разноцветных утесов, украшенных зеленью и возвышающихся на фоне далеких хребтов; небольшой водопад, серебристой струей падая в пропасть, разбивается в белоснежную пыль и, вторя звонкому пению птиц, отдается в душе умиротворяющей гармонией. Всюду цветы и кустарники роз. Внизу, отражаясь в зеркальной поверхности рисовых полей, виднеются пальмы, бананы, кипарисы, бамбук. А вон, как ласточкино гнездо, виднеется на карнизе скалы хижина одного из мяо, утопая в розах.

И еще один эпизод. Вспоминается ночь. Гроза. Отблески молнии. Шум дождя. Полуосвещенная комната в доме Ца. У стен — мяо: мужчины, женщины, дети. На середине комнаты под аккомпанемент грозы, играя на кэй, танцует молодой мяо. Сколько жизни в его танце! Казалось, свободная, независимая душа горца, выражаясь в танце, сливаясь с грозой, составляла единое целое с окружающей природой.